

Роман Рубанов

Гофман и другие

Гофман

I. Ночные этюды

Из темноты, где полночь рыжая урчит,
небритый Гофман, словно гвоздь кривой, торчит
и тени собственной пугается в ночи,
смычком взволнованно по дереву стучит,
«Тьфу-тьфу», — плюёт он через левое плечо,
и догорает оплывающей свечой,
и что-то пилит, и из собственной души
плетёт верёвочку, чтоб страхи задушить

II. Песочный человек

Плетёт верёвочку, холодную как снег..
Но пробирается песочный человек
в кошмары ночи, в бессознательный проём
спинного мозга, наполняя водоём
холодных глаз комками ржавого песка,
и кровь горячая колотится в висках,
и бледный Гофман пилит лобзиком сустав,
и прорастает скрипка, плача, сквозь рукав.

III. Кавалер Глюк

И прорастает скрипка, вечная, как мрак,
как крона дерева, как всхлипы ветра, как
ночной кошмар, в котором с комьями песка
в один зелёный ком смешается тоска,
и всё в душе сожжёт огнём своим дотла.
Луна вращается по небу, как юла,
а там, в ночных провалах-впадинах луны,
кричат горластые некормленные сны

Роман Рубанов — родился в деревне Стрекалово Хомутовского района Курской области. Окончил Рыльское педагогическое училище и факультет теологии и религиоведения Курского государственного университета. Работает руководителем литературно-драматургической части в Театре юного зрителя «Ровесник» (Курск). Пишет пьесы, рассказы, стихи. Печатался в журналах «Лампа и дымоход», «День и ночь», «Нева» и др.

IV. Угловое окно

и клювы острые вонзают в небосвод.
Небритый Гофман прорастает и растёт,
пытаясь мысленно проникнуть в ворожбу..
Не обмануть, увы, безглазую судьбу.

До подбородка добегают липкий страх,
и понимает Гофман: тело — это прах,
всё прах, одну лишь только музыку души
не в состоянье сумрак ночи заглушить.

V. Щелкунчик и Мышиный король

Всё прах. Все эти наши мысли и слова —
всё обрывается. Пока душа жива,
пока болезнь не отравила спиртом мозг,
он строит хрупкий, но реальный мост,
он смотрит ввысь — там по велению Рождества:
уродец кукольный под маской волшебства
любви достоин, обретая кровь и плоть..
А душу Гофмана тем временем Господь
за нити тонкие возносит в небеса,
туда, где Сам распределяет чудеса.

Ходит ночь, беременная снами (Цикл ночных стихотворений)

I

Так, как я, не умеет никто
Говорить о тебе.
Ночь, как конь, ходит в сером пальто
Буквой «Б»,

Ходит, цоканьем серых копыт
Будит сны.
Мордой в окна: кто, дескать, не спит?
Мы!

Это мы, это я о тебе,
Это сон,
Он спускается вниз по трубе
На газон,

Зарастает травой, сорняком,
Пылью и
Говорит ни о чём, ни о ком —
О любви.

Ночь в пальто чешет бок о фонарь,
А фонарь
Провожает глазами январь.
И, как встарь,

Говорит: всё проходит как сон.
Нет, не сон.
Разве сон — эта в небе косом
Рыба сом?

Рыба камбала, рыба луна,
Рыба-сплю...
Ночь в пальто лошадином темна.
Я терплю,

Я не сплю, я могу, как не тот,
Не тогда,
Говорить о тебе. И растёт
Борода

Из-под неба, рассветом грозя
Облакам.
Губошлёпую ночь бьёт лоза
По бокам,

И она убегает в луну
Буквой «Б».
Для тебя... лишь тебя я одну..
О тебе...

II

Сон

Входит сон,
говорит: «Сон».
В небе сон.
В небе рыба-сом.

В небе свет.
В небе дна нет.
Светит свет,
там, где сна нет.

Входит сон,
говорит:
«Спишь?»
Вносит сон
на подносе fish.

Ты одна
замерла на
миг, замерла
под крылом сна.

Сон расстилает
на окне сны.
Сон наставляет:
«Только ей
снись!»

Ей,
говорит, снись,
ей, ты,
лей, говорит,
слова о ней,
ты.

Сон обнажает
твою ночь,
сон,
сон обряжает
луну в ноль,
сон

шепчет тебе
то, что только я
знал.
Сон всё слышал,
когда я спал.

Сон в твоей руке.
В руке нить бус.
Милая моя,
а я тебе снюсь?

III

Ты уснула. Уснула. Уснула ты.
Ночь качнула. Качнула. Качнула тюль.
А у стула. У стула... У темноты
нету имени. Имени нет. Июль

скоро будет. А будет? Да, будет он
весь из будней. Из будней. Из будней сшит.
Тихо будит. Да, будит... И будет сон
крепче чая и слаще той, той, что спит.

Ты уснула. А значит. А значит, день
будет начат. Он начат. Он начат мной.
Только скачет. Всё скачет. Всё скачет тень
по стене. И сливается со стеной.

Ты уснула. Уснула. Твоя душа —
отпусти её, пусть полетит одна
мимо гула, разгула, едва дыша,
пролетит сквозь холод окна. На

перепутье, лоскутный забыв платок,
она встретит меня и попросит, чтоб
крепко обнял её я. А что потом?
А потом, как в пословице, — хоть потоп.

Ты уснула. Уснула. Уснула ты.
Ты качнула. Качнула. Качнула свет.
Ты проснулась. Взглянула из темноты
на меня... А меня... а меня... Нет?

Н.Ч.

Нет человека, который был бы как Остров...
Джон Донн

А я как остров. Я окружён тобой.
 И даже если колокол звонит по мне —
 мне всё равно. В меня вбивает камни прибой,
 надо мной глаза твои в вышине.

звёзды, звёзды, созвездия и т.п.
 И даже если волною снесёт утёс,
 оторвёт от меня часть, я всё равно о тебе
 буду думать. В пене твоих волос

буду слышать, как ручейки звенят,
 как планета рушится, как небеса трещат
 по швам. Не оставляй меня,
 море, по которому ходит моя душа.

flauto dolce

Зажми седьмую дырочку в душе
 И дунь. А может, музыка польётся?
 И где-то на девятом этаже
 Такой же человечек отзовется,
 Зажав седьмую дырочку в душе.

И лифт скользнёт. И лестницы пролёт
 Мелькнёт, и на засаленных перилах
 Столкнутся руки. А домашний кот
 Мяукнет, дескать, выгнали, нет силы
 И в лифт скользнуть... И песню запоёт...

А эти двое, странные весьма,
 На нас с тобой похожие когда-то,
 Взойдут на переносицу окна
 И выпорхнут в метель, во тьму... куда-то...
 И незаметно включится весна.

А кот домашний, видевший мышей
 Лишь на картинках, сядет на перила,
 Достанет музыку, которой нет вообще,
 И, чтоб она везде заговорила,
 Зажмёт седьмую дырочку в душе.